Советская Калмыкия сегодня

18 августа 1998 г. вторник № 7 (39)

Газета социальной защиты

Цена в розницу свободная

Общее дело

От редакции «Челябинского рабочего»

Этот выпуск «Советской Калмыкии сегодня» делался при участии журналистов газеты «Челябинский рабочий». Мы сменили коллег из «Новой газеты», вслед за нами приедут журналисты «Труда».

Мы поехали не раздумывая, хотя никто из нас не знал Ларисы Юдиной и никогда не держал в руках ее газеты. Уже в Элисте, прочитав подшивку «Советской Калмыкии сегодня», убедились в безупречности профессиональной и человеческой позиции ее главного редактора: она писала правду, писала о том, что по-настоящему знала. И продолжить ее дело — это поддержать то лучшее, что пока еще есть в нашей профессии. «Помогите коллегам из Калмыкии — себе поможете», — написал Виталий Ярошевский на страницах «Известий», когда Союз журналистов России и редакции российских газет начали собирать деньги на издание «Советской Калмыкии сегодня» и готовить бригады для командировок в Элисту.

Профессиональная солидарность, нравственный долг перед погибшей коллегой — Ларисой Юдиной, ее делом — этой газетой и нашим общим правом на свободное и честное слово объединили очень разных журналистов России. Вот почему, наверное, нам предстоит выпускать очень разные номера «Советской Калмыкии сегодня».

Нас, приехавших из Челябинска (такая же российская глубинка, как и Элиста, с неменьшими проблемами), мало волнуют интриги «большой» политики и компромат, собираемый в московских кабинетах.

А вот корневые, сущностные, вечные и ежедневные заботы вашей республики, ее людей, культуры, истории были действительно интересны. Мы пытались разобраться в злободневном и вечном. Результаты — перед вами. Можем добавить, что делали это с искренним уважением к земле и людям, которых успели полюбить за время короткой командировки в Калмыкию.

Челябинский рабочий

Грядет «бабий бунт»?

— Я уже ничего не боюсь, пишите: меня зовут Бобылева Ольга, работаю уборщицей в районном представительстве президента. Терять мне больше нечего, уволят — выброшусь из окна...

Общежитие в селе Приютном в эти дни гудит, как растревоженный улей. Это, пожалуй, самое неблагополучное место в районе — 28 семей, в основном одинокие матери с детьми, да еще старики. Заходишь сюда — и резкий запах шибает в нос. Чумазые заплаканные дети. Мух столько, что боишься вдохнуть. На днях здешние женщины пошли к представительству требовать детские пособия.

Вообще-то многие уже стали забывать, что таковые существуют в природе — их не выдают с 1996 года. Но прошел слух, что часть «детских» пришла в район. Однако была распределена не среди самых нуждающихся.

— У кого-то хоть собственное подворье есть, а мы в «общаге» живем. Зарплату в совхозе не платят, да и работы-то нет. «Детские» — единственная возможность получить хоть какие-то средства к существованию, — говорят женщины.

Между тем жители близлежащей Воробьевки также отправили свою делегацию к представителю президента В. Сачко. Пока до открытого противостояния людей и власти не дошло. Но сейчас лето, а когда начнутся холода? Или вот еще одна проблема для родителей: скоро нужно отправлять детей в школу. Значит, впереди — «бабий бунт»?

Я. ГАЙВАРОНЦЕВ.

Тем временем

10 августа в селе Приютном состоялся сход граждан, в котором приняли участие более трехсот человек, в том числе представители других районов Калмыкии, активисты оппозиции.

Собравшиеся выразили недоверие как республиканским, так и федеральным властям. Звучали требования в кратчайшие сроки выплатить задолженности по пенсиям (задержка три месяца), зарплаты бюджетникам (пять месяцев) и рабочим совхоза (четыре года).

Особое возмущение селян вызывает продажа воды комжилхозом по 20 копеек за ведро. Этот факт переполнил чашу терпения людей, которые приняли решение перекрыть 20 августа трассу «Элиста—Ставрополь».

Кто убил Ларису Юдину?

За исполнителями преступления стоят заказчики

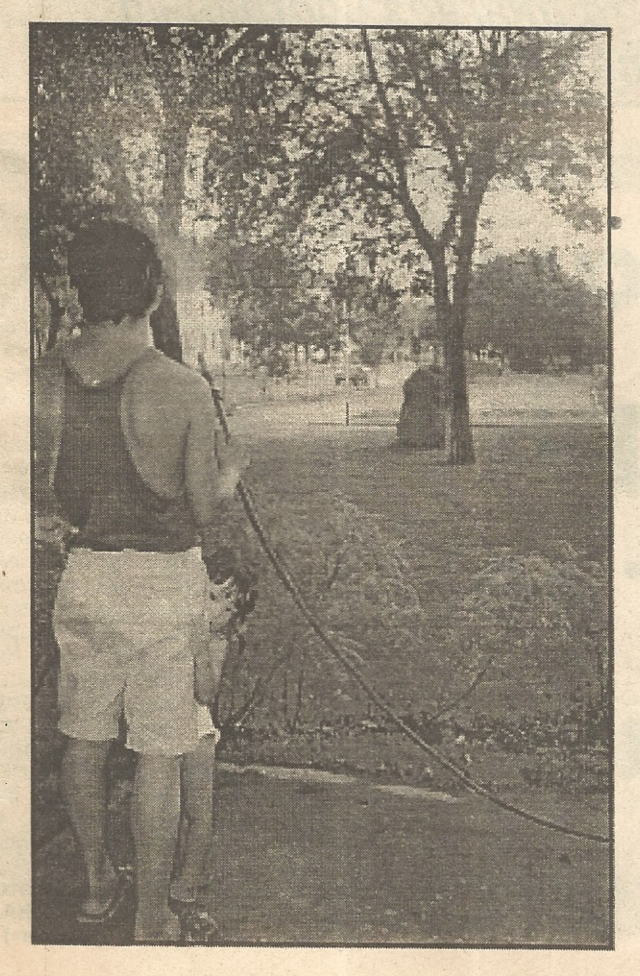
«Ее убийцы, скорее всего, исполнители. Суд едва ли сумеет найти заказчика — слишком много у него покровителей в высших эшелонах власти России», — говорится в обращении известных российских правозащитников (А. Симонов, Л. Богораз, С. Ковалев, Л. Алексеева и другие), распространенном Фондом защиты гласности и адресованном шахматным федерациям — членам ФИДЕ и ведущим шахматистам мира.

Правозащитники ставят их в известность, что город шахмат в Элисте (Чесс-сити) строится президентом Калмыкии К. Илюмжиновым на средства, добытые путем нарушения государственных законов и попрания человеческих прав. Обращение информирует возможных участников будущей шахматной олимпиады в Элисте, что главный редактор единственной в республике оппозиционной режиму К. Илюмжинова газеты «Советская Калмыкия сегодня», писавшей правду о строительстве Чесс-сити, Лариса Юдина была злодейски убита. «Что хуже — поступиться праздником или поступиться совестью?» — спрашивают авторы обращения.

2 августа на имя Генерального прокурора РФ Ю. Скуратова был направлен запрос депутата Государственной Думы С. Карапетяна о том, что материалы публикаций в СМИ, освещающие обстановку в Калмыкии в связи с убийством Л. Юдиной, позволяют сделать вывод, что в республике установлен режим личной авторитарной власти президента Илюмжинова, Основной закон Калмыкии — «Степное уложение» и ряд других законов противоречат Конституции РФ и федеральным законам. Действующие правовые акты Калмыкии ограничивают права граждан, политических партий и общественных организаций, создают условия для функционирования авторитарной власти и хищений финансовых средств.

В ответе на запрос депутата С. Карапетяна исполняющий обязанности начальника Главного управления на Северном Кавказе, государственный советник юстиции третьего класса Ю. Бирюков пишет: «Органами прокуратуры приняты соответствующие меры реагирования. Ряд противоречащих федеральному законодательству республиканских актов опротестован... на рассмотрении судов различных инстанций находятся заявления о признании недействительными отдельных положений «Степного уложения» Республики Калмыкия, республиканских законов «О политических партиях», «О статусе депутата Народного Хурала» и «О выборах депутатов Народного Хурала»... По результатам работы коллегии Генеральной прокуратуры издан приказ об усилении надзора за законностью издаваемых правовых актов... В настоящее время отрабатываются версии о причастности к убийству Л. Юдиной ряда должностных лиц Республики Калмыкия».

В. ЕФРЕМОВ.

Непредвиденные встречи

на дорогах Калмыкии

— Ребята, вы строители?

— Нет.

— Значит, журналисты... Газету будете делать? Вахтовым методом, все ясно...

Шофер, всего за тридцать рублей согласившийся подбросить нас до аэропорта, улыбался. Улыбнуться в ответ у нас не получилось — за эти несколько дней мы устали от повышенного внимания к себе, нашим передвижениям по городу, встречам и разговорам.

— А куда это вы ездили сегодня на машине Давида Кугультинова? — спрашивали нас вечером «братья-оппозиционеры». — А почему обратно пешком пришли, вас не захотели подвезти?

В знойную, раскаленную Элисту сейчас едут только строители и журналисты. Строители укладывают асфальт, строят олимпийские объекты, превращают город в оазис, достойный проведения Всемирной шахматной олимпиады. Журналисты разъясняют просвещенному человечеству, что нельзя проводить олимпиаду в республике, где нарушаются права человека, и что эта сентябрьская олимпиада приведет Калмыкию к экономическому коллапсу. Эти журналистские открытия транслируются в мировое информационное поле, с каждым подключением файл «Калмыкия» разрастается. Сбылась мечта калмыцких политиков — о степной республике заговорили на многих языках. Но совсем не то, что хотелось бы политикам...

В Элисте поливают газоны. Хочется сбросить туфли и пройтись по влажной зеленой траве, утопая в ней ступнями... У города — своеобразное, неповторимое лицо. Очень красивое. Если бы в каждый дом поставить по кондиционеру... Да еще воду дать, чтоб лилась из крана потоком... Точно был бы оазис. А так приходится горожанам на машинах подъезжать к колонкам, наполнять ведра и бутылки про запас.

— Вам ликероводочный завод показывали? — с гостеприимством гида, испытывающего гордость за местные достопримечательности, спрашивает нас шофер Буянча.

— Нет, а где это?

— Сейчас проезжать будем. Вот он, слева (мы увидели кирпично-красный домик из детского конструктора, увеличенный в тысячи раз), жена Собчака строит. В апреле начали, уже почти закончили.

(Окончание на 8-й стр.)

«Умер от собственного невежества»

Такой «диагноз» ставят крестьянину чиновники из Элисты. Какой диагноз поставит им народ?

В представительстве президента Республики Калмыкия в селе Приютное нас отговаривали ехать в поселок Манц. «Там карантин, милиция — вас не пустят. А потом — там же сибирская язва!»

Мы были на месте приблизительно через полчаса — пока с приютненским людом о житье-бытье говорили, пока в пустой магазин заглянули. Вскоре наш «жигуленок» лениво переваливался на манцевских выбоинах.

«А это не вас милиция искала?» — встретили нас вопросом в лоб местные мужики. «Ездили, спрашивали, не заезжал ли кто»...Мы переглянулись. Степная жара и меланхоличное настроение селян (уборка вроде по срокам в самом разгаре, а тракторы второй день стоят — нет солярки) как-то не вязались с детективным сюжетом.

«А вы не из той газеты, которая про нас всякую чушь пишет?» Второй вопрос — и опять — в лоб. Никто в селе тот номер «Известий Калмыкии» не видел, но все знают, о чем говорят. После трагического случая, связанного с «сибиркой», в газете появилось интервью главного санитарного врача республики К. Яшкулова. Дескать, некий несознательный житель корову свою не прививал, а как та захворала, забил ее и мясо продал. Получалось так, что крестьянин всех перехитрил, а сам взял да скончался. «Люди пострадали от собственного невежества», — вынес вердикт главный санврач...

Жители Манца уверены, что корова, а точнее — телка, была из совхозного стада. Да и заколол ее гуртоправ, заподозрив что-то неладное. А ныне покойного Василия Аюшева и еще одного мужика попросил освежевать тушку. Скорее всего, заражение произошло через порез.

«Муж мучился неделю. От всякой хвори было у него одно лекарство — отлежаться», — говорит вдова Валентина. Лечение немудреное. Зато самое, наверное, доступное на селе. Медпункт в поселке существует лишь номинально, лекарств нет. А ехать куда-то теперь страшно, говорят, повсюду за лечение деньги требуют...

Шибко поплохело Василию к концу недели. Вздулись лимфоузлы, выступили какие-то фурункулы. Температура, тошнота, рвота. «Скорую» не вызовешь — телефонов в поселке нет. Добрые люди помогли машиной. Но было уже поздно. Менее чем через сутки Василия не стало...

Вскоре в Манц понаехали врачи. Срочно провели вакцинацию всей здешней скотины, раздавали таблетки людям. И смех и грех — кто-то пустил слух, что за лекарство вычтут деньги из зарплаты. Ее здесь несколько лет не видели, но все равно неприятно. Нашлись «отказники», так и не взявшие таблеток...

У Валентины Аюшевой осталось трое детей да корова. «Они там пишут, мол, зарезал свою корову. А она у нас единственная кормилица!» И еще есть старики-родители, которым с опозданием, но приносят пенсии. Вот и весь доход. Сама Валентина сидит без работы. Склад, куда раньше свозили зерно, закрыт, взвешивать нечего.

На гроб собирали всем миром. 800 деноминированных рублей, по деревенским меркам, астрономическая сумма. В отсутствие денег, работы и внятных перспектив только и остается уповать на помощь соседей и родственников.

Так жили калмыки в стародавние времена, потому уцелели как нация и во времена депортации. Теперь принаряженная Элиста готова принять шахматистов из 180 стран, говорят, будет настоящий праздник. А здесь, в 70 километрах, люди живут, чтобы выжить. И по-своему понимают слова Кирсана Николаевича о том, что материальное есть лишь тень духовного...

Брат Василия Николай, мужик, сразу видно, волевой, собирается добиться «правды». Ведь при желании можно найти ответ, почему 39-летний Василий Аюшев, которого так запросто чиновник из далекой Элисты пригвоздил формулировкой «умер от собственного невежества», расстался с жизнью в расцвете лет.

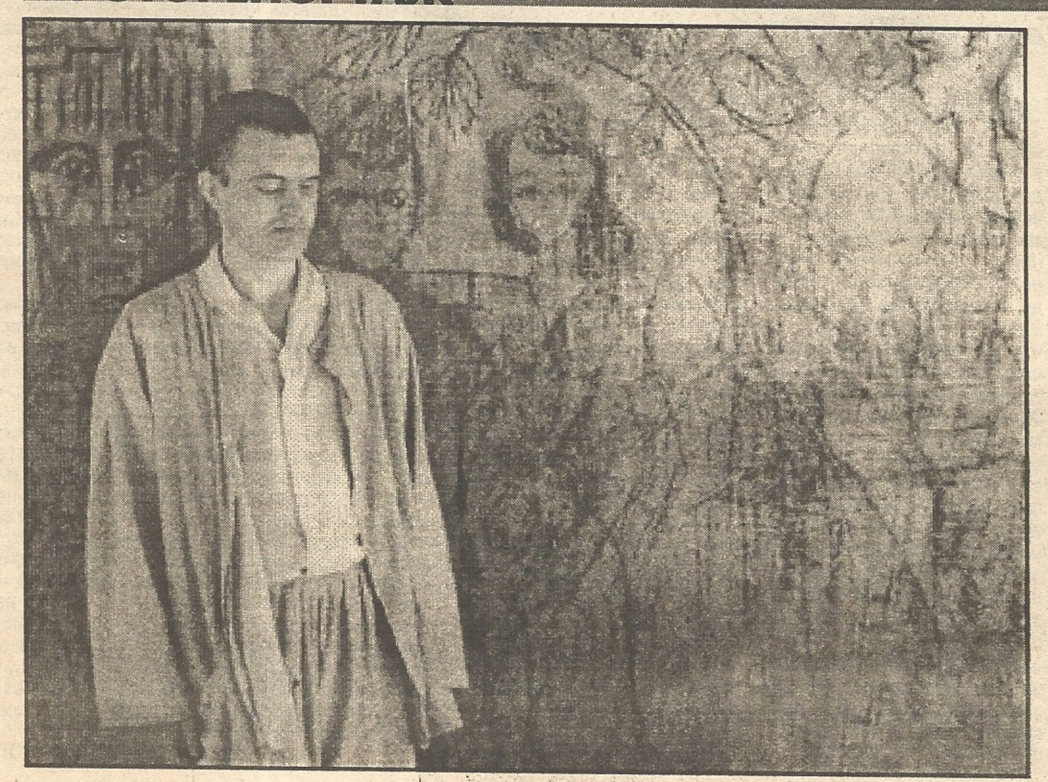
Рвется там, где тонко. Смерть от сибирской язвы — это диагноз состоянию сельского хозяйства. Чтобы это произошло, нужно было сойтись многим неблагоприятным условиям, помноженным на абсолютно наплевательское отношение к делу всех, кто так или иначе ответствен за положение села, начиная с министра и заканчивая ветврачом.

Есть опасения, что брат покойного взялся за дело неподъемное. Что он, маленький человек, может противопоставить системе, которая уже нашла крайнего? Пережить можно многое — ошибки начальников, несправедливость, даже, как выясняется, смерть близких. Труднее всего — собственную беспомощность перед лицемерием властей предержащих. Вот опять, говорят, собираются делать эксгумацию — «для уточнения диагноза». Это после того, как факт смерти от сибирской язвы признан официально. Валентина Аюшева еще не отошла от пережитого горя, но старается выглядеть спокойно. И вдруг не выдерживает: «Если они придут раскапывать могилу, я возьму топор...»

Айвар ВАЛЕЕВ.
пос. Манц,
Приютненский район.

Смерть от сибирской язвы — это диагноз состоянию сельского хозяйства.

ФОТОРЕПОРТАЖ

«К нам теперь многие сами просятся»

В селе Приютное, в Калмыцкой республиканской больнице, первым делом разговоры о лекарствах. В ординаторской беседуем под аккомпанемент заунывного крика, доносящегося из-за двери, ведущей в женское отделение. Василий Бессарабов, заведующий женским отделением: «Знаете, что это? Это препаратов нет». В Приютном проблема добровольной или принудительной госпитализации получает неожиданный поворот: «Да, к нам теперь многие сами просятся. На зиму особенно. Кто топлива не запас или кому кушать нечего — у нас хоть чаем с хлебом три раза в день, но накормят. И тепло у нас — вот за этим строго следим. А люди-то в республике бедуют...»

Фото Александра СОРИНА. («Итоги»).

Это вам не «десять заводов», а одна нормальная дорога

На стройке олимпийской трассы в Элисте

Едва поднял трубку, как на другом конце провода раздался гневный голос: «Так вы в курсе дела, что на главной улице города зарывают деньги?» Звонивший не давал и слова сказать, обрушился на бесхозяйственность и недальновидность мэра города. Начали, мол, благоустраивать и без того с хорошим асфальтным покрытием улицу Ленина, когда параллельно ей разрушена и разбита до основания улица Ю. Клыкова. Именно здесь сосредоточено главное движение пассажирских автобусов, в неприглядном состоянии и другие участки дорог в центре города. А власти наводят лоск лишь около своих административных зданий, имидж им нужен.

Такой вот колючий разговор получился с собеседником. Однако сердитый мужчина был не одинок. Негодовали и возмущались женщины: «Деньги некуда девать», «С жиру бесятся», «Пригнали людей черт-те откуда, а свои сидят без дела». На другой стороне улицы им парировали старики: «Да вы посмотрите, как здорово укладывают асфальт ленинградцы. Это же красота, не чета нашим дорожникам». А один фронтовик и вовсе правду сказал: «Да чем десять мифических заводов, якобы построенных в Элисте, пусть будет одна хорошая дорога в городе».

Негодовали элистинцы еще и потому, что приехавшие строители, можно сказать, «погубили» улицу Ленина — они сняли толстый слой асфальтного покрытия, который, считали все, мог бы еще служить десятки лет. При нынешней нищете это показалось горожанам великой бесхозяйственностью. Степняки не видели хороших и высококачественных дорог в этих краях, потому с сожалением относились к реконструкции дороги на главной улице Элисты. Как говорят (без всякой предвзятости) знающие специалисты, улицу эту так и так нужно было реконструировать, расширять и заново перекрывать асфальтом. А чтобы добиться высокого качества, нужно снять и выровнять старое покрытие, на котором из года в год проводился так называемый «ямочный» ремонт. Так что средства будут не зарыты, а вложены в нужное дело.

Автоводителям известен «знаменитый» поворот вблизи роддома, на котором ежедневно случались аварии, опрокидывания автотранспорта с многими жертвами. По мнению специалистов, — это одна из причин реконструкции улицы Ленина. Дорога на данном участке была возведена с нарушениями ГОСТа, по двускатной системе (крышей). Такой профиль строится на загородных автотрассах, где стоки вод расходятся от осевой по обе стороны. На поворотах же, согласно проектам, строятся односкатные, с наклоном в сторону движения транспорта. Иными словами, соблюден принцип езды по вертикальной стене.

— Но это не панацея от всех бед, — говорит начальник СУ-6 «Лендорстроя» Л. Мушкин. — Все зависит от того, кто сидит за рулем. Приключения на свою голову можно найти и на совершенно ровной дороге.

Как все-таки ленинградцы (так они себя именуют) попали в далекую степную и жаркую Калмыкию? Деньги, экзотика?

— Ни то, ни другое, — сказал Мушкин. — Как-то одна ленинградская фирма строила у вас ликероводочное предприятие и попросила благоустроить территорию. Мы приняли заказ и выполнили весь объем работ. Вашим властям понравилось, они и пригласили нас на строительство олимпийской трассы, включающей улицы города. Участок на улице Ленина завершаем, будем переходить на улицу Джангара. Работа наша вся на виду у горожан.

Дисциплина, порядок и труд до изнеможения — вот что можно сказать о дорожниках из Санкт-Петербурга. Пятьдесят человек работают, как единый механизм, без сбоев, без простоев. Сухой закон установили сами рабочие. Подъем с первыми петухами, отбой — в одиннадцать часов ночи. Так что о «горячительных» напитках и думать некогда, говорят ленинградцы. Да и начальник требователен.

Дорожники СУ-6 «Лендорстроя» привезли с собой много строительной техники, какую, может быть, не видели работники ДСРУ самых крупных городов России, а в Элисте — тем более. У нас как делают ремонт автодорог? С помощью лома, кувалд и отбойного молотка, от которого руки и ноги трясутся. О каком качестве может идти речь?

У питерцев есть асфальтный фрезер новейшей модификации, выпущенный в Германии. Это, можно сказать, последний крик моды в строительной технике. Он одновременно выполняет несколько операций без ручного труда. Машина в считанные часы снимает старое асфальтное покрытие толщиной в 10 и более сантиметров, подбирает массу и по транспортеру отправляет в кузов самосвалов. Чисто, качественно и высокопроизводительно. Невольно возникает вопрос: почему же наши «дорогие россияне» до сей поры машут кувалдами на ремонте автодорог?

— Кроме фрезерной машины, — делится прораб СУ-6 «Лендорстроя» А. Корнев, — мы доставили сюда, в Калмыкию, еще около тридцати единиц дорожной техники немецкого производства. Везли на трейлерах, по железной дороге. Эти зарубежные машины сделаны добротно, они высокопроизводительны. Потому наши ребята выкладываются полностью, трудятся по 18—20 часов. По сколько получаем? Это коммерческая тайна...

— Богато живете, — поинтересовался я у питерцев, — раз хватает средств на импортную технику.

— Да не такие уж мы богатые, — говорит начальник СУ-6 Лев Мушкин. — Всю эту немецкую технику мы приобрели в лизинг, то есть в долгосрочную аренду. Объемы работ есть в России, машины окупятся. С такой техникой нас принимают везде.

О качестве укладки асфальта разговор особый. Выравнивание основания дороги ведется по нивелиру. Почти на всех дорожных машинах есть точные приборы, фиксирующие даже незначительные отклонения от нормы. От центра города и до парка Дружбы асфальт выложен, что и говорить, безупречно. По всей видимости, он простоит без «ямочных» ремонтов десятки лет. За месяц питерцы выполнили объем строительных работ на 2,5 миллиона рублей. Что ж, такая работа и стоит таких денег.

Рабочих одолевает калмыцкая жара. В иные дни температура повышается до 40 с лишним градусов. Дорожники возят с собой по нескольку больших фляг с водой. Обедают в столовой Элистинского мясокомбината. Живут кто где: в гостинице, в частных секторах. Если потребуется, говорят рабочие СУ-6, то останемся работать и до глубокой осени.

— Шоферы какие-то наглые у вас, — сетуют рабочие Федор и Сергей. — Видят, что идет строительство, поставлены знаки, но все равно прут по жидкому битумному покрытию. Когда не «гаишники», а мы их останавливаем, то они разворачиваются и мчат через бордюры, пешеходные дорожки, по аллеям вашего парка. Прямо, как тарзаны.

В этом убедился сам. Инспекторов дорожного движения тут нет. То ли установка такая, то ли им интереснее проверять «фуры» за городом.

Говорю все о дорожниках из «Лендорстроя», а что же наши строители помалкивают? Смирились, отдали большой кусок пирога северянам и баста?

— Почему смирились, — возражает мне начальник Элистинского ДСРУ Валерий Скаргин. — Мы являемся субподрядчиками у ленинградских дорожников. Трудимся вместе, укладываем бордюры, выделяем автогрейдеры, водовозы, компрессоры, а иногда и экскаватор. В основном они трудятся на своей немецкой технике.

— Вам, конечно же, такой объем и такое качественное возведение асфальтной дороги на так называемой олимпийской трассе, извините, не по зубам.

— Ну чего равнять материальную базу СУ-6 и нашу, — признается В. Скаргин. — С такой современной техникой и наши ребята могли бы работать нисколько не хуже.

По словам В. Скаргина, ДСРУ имеет некоторые объемы ремонтных работ в Элисте. Часть дорожников занята укладкой бордюров с бригадами «Лендорстроя», другие заняты на благоустройстве улиц Анацкого, Рокчинского, первого и третьего микрорайонов.

— Если что и заработаем, то один миллион рублей нужно отдать за щебень, битум, песок да еще перечислить средства в Пенсионный фонд, медстрах, НДС и десятки других учреждений за услуги, — прикидывает начальник. — Пока эти выплаты не произведешь, о зарплате рабочим и думать не приходится.

— А что касается улицы Ленина, — продолжал Валерий Скаргин, — то мы бы все равно приступили к ее реконструкции, так как полотно дороги требовало капитального ремонта. Напрасно горожане возмущаются. Согласно плану, питерцы, завершив укладку асфальта на улице Ленина и Джангара, приступят к строительству дороги по улице Ю. Клыкова. Начнут со стороны 101-го квартала.

Тем временем патриарх местного дорожного строительства «Калмавтодор», в системе которого числится семнадцать подразделений и более тысячи работников, главные силы направляет на возведение новой автомобильной дороги Комсомольский — Артезиан. Трассу, которую ждут не только жители Калмыкии, но и другие регионы страны. При завершении строительства эта дорога с твердым покрытием свяжет Россию с Северным Кавказом и даже с Закавказьем.

Специалисты «Калмавтодора» считают большой удачей сотрудничество между ними и СУ-6 «Лендорстроя». Технологический процесс и качество работы последнего удивляют даже самых опытных дорожников Калмыкии. Не зря живет в народе мудрость: «Не говори, сколько сделал, скажи — как сделал». Хороший совет.

Иван КАРАГАЕВ.

ФОТОРЕПОРТАЖ

Долгие похороны

Корреспондент «Челябинского рабочего» рассказывает о том, что было «за кулисами» официального прощания с царскими останками в Екатеринбурге

Чудеса во сне и наяву

Один из парадоксов, которыми наполнена жизнь: люди, семь лет работавшие с «костями со старой Коптяковской дороги», не скрывают, что им было до комка в горле жаль расставаться с ними. Эти «объекты», про которые обычному человеку и читать-то жутко, не то что трогать, стали для судмедэкспертов чем-то очень близким, необъяснимо дорогим.

Ученые, по определению люди трезвые и не склонные к мистике, рассказывали мне об удивительных снах. Москвич Сергей Никитин, воссоздавший на основе останков скульптурные портреты погибших, говорит, что кости в его снах обрастали плотью, вставали, протягивали к нему руки. Петр Грицаенко, который 11 июля 1991 года собственноручно бережно достал из трясины каждую косточку, каждый сколок, а потом отмывал их, исследовал, видел в своих ночных грезах нечто очень похожее.

А когда мы заговорили с Петром Петровичем о чуде, которого так не хватает церкви, чтобы признать «екатеринбургские останки» царскими, он вдруг сказал:

— Да было чудо! Со мной было, вот на этом самом месте.

Мы шли с Петром Петровичем через Исетскую плотинку. Вода под нашими ногами бурлила, с шумом разбивалась о каменные опоры. 9 июля 1993 года Исеть была здесь такой же грозной. Судмедэксперт Грицаенко возвращался с работы и вдруг услышал снизу детские крики. Две детские головки уже затягивало в водоворот у плотины. Он бросился в воду. Мальчика быстро выбросил на берег, а с девочкой на руках его понесло прямо в створ плотины. Петр Петрович говорит, что он уже попрощался с жизнью, как вдруг наткнулся на стальной штырь. Он мог бы погубить этих двоих, а стал спасением. Ухватившись одной рукой за штырь, а другой прижимая к себе плачущего от страха ребенка, он продержался около получаса до прибытия спасателей на лодках. На следующий день подполковник запаса Грицаенко крестился в церкви. Через несколько лет он получил медаль за спасение людей.

Когда мы шли ранним утром 16 июля в Вознесенский храм, чтобы попрощаться с останками невинно убитых в Ипатьевском доме, Петр Петрович тихо сказал:

— Наверное, моя душа на небесах будет рядом с ними.

Доктор Грицаенко — член фонда «Обретение» — «обретенец», как называют этих людей в Екатеринбурге. С председателем этого фонда Александром Авдониным мы познакомились за две недели до похорон, а с его соратниками — в дни прощания с царскими останками в Екатеринбурге. 14 июля фонд провел 4-е Романовские чтения. В зале областного краеведческого музея собрались те, для кого восстановление исторической правды стало профессией, призванием. Они вспоминали, спорили с противниками. Кто-то сравнил положение Николая II в 1917 году с положением Бориса Ельцина сегодня: «Тогда царя предали придворные, предала церковь. Сейчас те люди, которые привели к власти Ельцина, начинают от него отворачиваться».

Сильное впечатление на многих произвело сообщение о том, что те мощи, которым поклоняется Русская зарубежная церковь, не могут считаться человеческими. По мнению видных экспертов, это кости животных, которых большевики поедали во время «трапезы», устроенной после злодейства. А Владимир Соловьев, следователь Генеральной прокуратуры, которому выпало завершить дело «белогвардейского» следователя Николая Соколова, поразил всех тем, что после своего выступления вдруг поклонился в пояс Александру Авдонину.

Я смотрела потом сюжет о чтениях по местному телевидению. Оператор, настроивший камеру на трибуну, не успел среагировать на неожиданное движение Соловьева. Он просто на секунду исчезает из кадра, а потом опять возникает.

Все были взволнованы, чувствовалось приближение исторического момента. Сказано, конечно, громко и в то же время банально. Но когда я потом пыталась определить свое состояние в те три дня прощания, мне представлялась огромная воронка, похожая на створ той самой плотины, в которую нас всех засасывало все глубже — в новые и новые факты, мысли, документы. И новые чувства. История становилась осязаемой, к ней можно было прикоснуться. Так, как потом прикасались к гробам те, кто прощался с ними перед погребением в соборе святых Петра и Павла.

Ода молчанию

«Обретенец» Валентин Грибенюк, когда мы бок о бок стояли возле Вознесенского собора в ожидании выноса гробов, выразил свои чувства так:

— Человек, когда умирает, превращается в ничто. Эти останки 73 года были ничем, последние семь лет — лишь объектом для исследования. И только сейчас, на наших глазах, они становятся историческим символом. Символом правды, покаяния.

Мне запомнились две кроткие старушки в платочках, которые в самом начале церемонии пытались пройти через плотное кольцо охраны. Не прорваться, а именно пройти. «Сыночки, нам нужно в храм», — твердили они на все объяснения крепких парней в камуфляже. Они никак не могли взять в толк, как это их храм может быть закрыт для них. Почему впускают толпу журналистов и журналисток в джинсах и с непокрытыми головами, а их оставляют за воротами.

Оказавшись в храме, я ясно почувствовала, что только верующие органичны в этих стенах. Мы же не только не умеем лба перекрестить, но и где встать не знаем, не знаем, что со свечой делать, кому поклониться. Мы не можем понять таинства рождения, смерти, брака, в которое посвящена даже самая «темная» верующая старушка. Потому теряемся перед лицом этих трех главных событий человеческой жизни. Суетимся, рассуждаем, осуждаем. «На все Божья воля», — говорила, крестясь, стоящая рядом старушка. И лицо у нее было светлым.

Прощание было устроено не по светским, а по церковным законам. Но в храме, как я уже говорила, оказалось много неверующих. Их сразу можно было отличить в потоке тех, кто пришел попрощаться с останками семьи последнего императора и его приближенных. А желающих увидеть их закрытые наглухо гробы собралось неожиданно много.

Ранним утром, когда мы с «обретенцами» заняли место у храма, людей здесь было маловато, и Валентин Грибенюк с горечью сказал:

— Оказывается, люди даже не любопытны...

Те, кто семь лет назад нашел останки и все это время боролся за их признание, опасались, что екатеринбуржцам уже надоела эта шумная история. На первый взгляд, и впрямь — как мы можем испытывать трепет перед костями неведомых нам исторических персонажей, если каждый день по телевизору видим, как разными способами убивают десятки людей. Притерпелись мы и к крови, и к смерти. А плачем над мексиканским «мылом» и бесконечными трагедиями миллионеров Санта-Барбары.

Нет в нас веры. Раньше была, но не в Бога, а в коммунизм. Священный обряд отпевания непонятен нам и потому кажется похожим на красивый спектакль. Не только торжественный, но и очень утомительный. Не выдержал даже один из охранников. Во время второй литии в присутствии губернатора он упал в обморок.

Потом, когда я смотрела по НТВ прямую трансляцию из Петропавловского собора, даже меня, неверующую, покоробил комментарий уважаемого мной Евгения Киселева. Он во время литии непрерывно, как спортивный комментатор, говорил за кадром, собрав все, что он знал хорошего и плохого об останках и о жизни последнего российского императора, о политических играх вокруг церемонии, которая происходила в этот самый момент на глазах миллионов людей.

Молчание — вот что требуется от нас в церкви, хотя бы из уважения к ее тысячелетней истории. Молчание — это то, что у нас хуже всего получается.

Семь лет и три дня

Оказавшись в Екатеринбурге и просмотрев местные газеты, я с удивлением обнаружила, что в них почти ничего нет о предстоящей церемонии. Знакомый журналист на мое недоумение ответил известным жестом, проведя ребром ладони по горлу: «Вот они у нас где, эти останки, надоело. Читатели уже звонят, возмущаются». Даже пресс-конференция губернатора, на которой он рассуждал о своей роли в истории, не показалась здешним журналистам интересной.

Я говорю об этом без всякого осуждения. Наверное, действительно тяжело семь лет разрабатывать одну тему. Есть еще одна причина. Здесь живут потомки людей, участвовавших в злодействе, охранявших дом. Многие занимают неплохое положение в обществе. К примеру, сын скандально известного Петра Ермакова, якобы застрелившего царя, был руководителем ОМОНа. Он пожаловался в областную газету «Уральский рабочий», что после газетной шумихи ему приходится чуть ли не ежедневно отмывать памятник на могиле отца, где неизвестные пишут разные нехорошие слова.

А между тем заезжие журналисты со всего света ловили каждое слово свердловского губернатора. Чувствовалось, что он не вполне удовлетворен решением правительственной комиссии и не изменил своего мнения о том, что останки нужно было захоронить в Екатеринбурге. Тогда бы Екатеринбург стал третьим по значению городом России. Прямо этого Эдуард Россель, конечно, не говорил. Но сказал, например, что сейчас в Верхотурье восстанавливается Крестовоздвиженский храм, сравнимый по величине и красоте только с Исаакиевским собором северной столицы. Еще недавно в этом уникальном культовом здании располагалась колония для малолетних преступников. (Кстати говоря, в поражающей красотой и роскошью резиденции губернатора на берегу Исети до недавнего времени размещался общественный туалет). Реставрация, восстановление культурных и исторических объектов здесь не только декларируются. Губернатор сообщил, что вот уже два года он ежемесячно перечисляет по 100 рублей (новыми) из своей зарплаты на строительство Храма на Крови, который планируется построить на месте дома Ипатьева. Хотя сам Россель выступал за то, чтобы просто восстановить этот дом с трагической судьбой и открыть в нем музей Романовых. Но общественность разумную вроде бы идею не поддержала. Сейчас готов лишь проект нулевого цикла нового храма. На его строительство потребуется 120 миллионов рублей. Средства будут собираться всем миром. Первая попытка сбора закончилась тем, что сборщики сбежали, прихватив с собой деньги. Теперешний фонд будет существовать при губернаторе. Подобно Юрию Лужкову, который преобразил Москву к юбилею столицы, Россель готовится на широкую ногу отметить 275-летие Екатеринбурга в августе этого года. Город в строительных лесах, днем и ночью достраиваются памятники, фонтаны.

Эффектным было появление губернатора у храма, в котором отпевалась царская семья. «Свита» двигалась сзади, а он впереди, держа за руку белоголового мальчика. «Это его внук Саша, — шепнул мне местный тележурналист. — Он его на все публичные мероприятия приводит». Трогательная эта картина очень напоминала известные портреты Николая II с цесаревичем Алексеем. Аналогия, но очевидная для многих.

Свободный доступ в храм Вознесения Господня завершился с приездом губернатора. Люди, которые стояли в длинной очереди, не возмущались, только огорченно вздыхали, говоря: «Надо было выставить гробы в церкви хотя бы на три дня, чтобы все, кто хочет, могли попрощаться».

Но не было, видимо, у России этих трех дней. Эти похороны и без того были непомерно долгими, растянувшимися на 80 лет.

Останки невинно убиенных наконец-то обрели покой. А споры вокруг них не умолкают. Некий судья Ромашков из Екатеринбурга собирается опротестовать в Конституционном суде легитимность комиссии, которая занималась идентификацией царских останков. В газетах опять появляются статьи историков, не согласных с результатами экспертиз. На днях мне позвонила женщина, утверждающая, что ее соседка по саду — это чудесно спасшаяся Анастасия Романова. На днях в редакцию пришел человек с толстой тетрадью. Он написал свою версию событий в Ипатьевском доме. Ему кажется, что царица сама казнила мужа, а «великий Ленин» спас ее и всю семью. Наверное, фигура последнего царя еще долго будет волновать умы и сердца россиян. Мифотворчество и «пляски на костях», к сожалению, продолжаются...

Алевтина НИКИТИНА.
Екатеринбург — Челябинск.

НА СНИМКЕ: во время отпевания останков царской семьи в храме Вознесения Господня в Екатеринбурге.

Фото Владимира ЯКУБОВА. («Уральский рабочий»).

Юлий ОГЛАЕВ:

«Между калмыками и русскими нет крови»

Через три дня после убийства Ларисы Юдиной в двух центральных газетах появились статьи под заголовками «Оппозиция Илюмжинову вышла из подполья» и «В Калмыкии больше нет оппозиции». Так все же: нет оппозиции или есть и даже «вышла из подполья»? И что представляет собой калмыцкая оппозиция, каких людей объединяет, когда и как сформировалась? Об этом мы решили поговорить с известным ученым-историком, доцентом кафедры отечественной истории университета Элисты, секретарем Калмыцкого республиканского комитета КПРФ по идеологии Юлием Очировичем Оглаевым. Но он не мог не начать с челябинских воспоминаний:

— Я был в Челябинске в девять лет в январе 1944-го. Депортация, телячий вагон — все, как у людей. Когда прибыли в ваш город, неопределенность (куда везут?) кончилась. Теперь было ясно: отсюда дорога только одна — в Сибирь.

...Раннее морозное январское утро, серое небо с низкими тучами, и наш вагон, зажатый с одной стороны цистернами с нефтью, с другой — вагонами с углем. Обычно на крупных станциях нас выпускали за плановой баландой, так это и называлось — «плановая баланда». Но в Челябинске мы не вышли на привокзальную площадь: зажали между угольным и нефтяным эшелонами. Зато углем разжились для буржуйки.

— Юлий Очирович, давайте поговорим о президенте Калмыкии Кирсане Илюмжинове, который, как написано в одной из ваших статей, «мог бы стать гордостью калмыцкого народа и всей республики, но все более становится ее позором». Кирсан Николаевич ведь не «черт из табакерки», не внешний враг-завоеватель. Пять лет назад республика проголосовала за него.

— Голосовали не «за», а «против» старой власти, она настолько обрыдла, испаскудилась, вызывала такое отвращение, что ее готовы были поменять на кого угодно. Забавно, но сейчас есть уже ностальгия по тому, что тогда вызывало ненависть. И конечно, не надо недооценивать самого Кирсана. Это фигура, внушавшая почти религиозную, экзальтированную веру. С немалой дозой гипнотического внушения, экстрасенсорное нечто. Достоинств у него уйма: молодой, красивый, искрометный, образованный, работоспособный, с очаровательной улыбкой. И все обещающий. Все буквально. И сто долларов каждому в случае своей победы, и то, что наши чабаны будут пасти свои отары на «мерседесах» и говорить по сотовому телефону с Австралией, и «второй Кувейт» в Калмыкии через два-три года.

Люди потеряли голову. Тем более, что свои обещания кандидат в президенты подкрепил собственным богатством и популистскими акциями. На месяц в городе на 50 процентов снижали цены на хлеб и молоко, представляете? Зато после выборов он долго рассчитывался из государственных, а значит, из наших денег со своими «спонсорами». Мне известно, что одним из них был Иосиф Кобзон.

Быть может, одно из главных наших обвинений в адрес Кирсана — это обвинение во лжи. Провалы в экономике и политике есть во многих регионах России, но, кажется, ни один из нынешних губернаторов не обещал «второй Кувейт» и ни один свой развал не выдает за процветание.

Республика расплачивается за свой выбор, за веру в мираж: богатства хотелось много и сразу — вот на чем выиграл Кирсан. Надо сказать, что почти третья часть народа не потеряла голову и не проголосовала за него тогда. У других отрезвление наступило позже, но его уже практически негде было выразить: все средства массовой информации стали подконтрольны президенту. Осталась только «Советская Калмыкия сегодня». Вокруг нее сформировалась первая волна оппозиции, объединившая коммунистов и «яблочников». Она в основном и осталась.

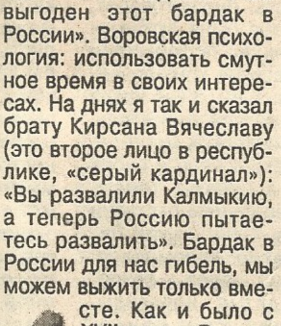
— Я прочитал несколько ваших «антиилюмжиновских» статей в «Советской Калмыкии сегодня» и в газете Калмыцкого рескома КПРФ «Ленинский путь». Их тон становится все более непримиримым...

— Идет вселенское разорение республики. Массовые безработица и обнищание, когда люди пребывают в поисках элементарного куска хлеба, не образного, а простой буханки, чтобы накормить детей. Плюс феодально-ханский режим, который утвердил здесь Илюмжинов и который душит всякую общественно-политическую деятельность.

— Как историк вы могли бы сформулировать родовые черты этого «ханского феодализма»?

— Всякое сравнение хромает, и я должен сказать, что все боги мира не повернут колесо истории вспять. Калмыкию уже не вернуть даже в начало XX века, не то что в более давнее прошлое. Но все же очень многое роднит нынешнюю власть именно с феодализмом: беспредельный деспотизм (даже ханы не обладали таким объемом власти) и клановость. Только этот клан похож не на царедворцев, а на бандитов, и внутренние разборки, которые его все время сотрясают, — бандитские разборки.

Это разрушительная сила. Вдумайтесь в высказывания Илюмжинова. Одно из последних: «Нам выгоден этот бардак в России». Воровская психология: использовать смутное время в своих интересах. На днях я так и сказал брату Кирсана Вячеславу (это второе лицо в республике, «серый кардинал»): «Вы развалили Калмыкию, а теперь Россию пытаетесь развалить». Бардак в России для нас гибель, мы можем выжить только вместе. Как и было с XVII века: «Вы нам землю, мы вам службу». Не надо угрожать сделать из Калмыкии новую Чечню, у нас другая история: между калмыками и русскими нет крови.

— Но есть депортация.

— Да, и это горькая и тяжкая обида, которую надо изживать столетиями. Должен сказать, что Илюмжинов победил на выборах в том числе и на волне этой обиды.

Из 16 членов моей большой семьи в годы войны двое погибли на фронте, шестеро (в основном дети) умерли во время депортации. Депортированные бежали, но не в тыл, а на фронт. Одного из таких «беженцев» я знал лично, старый учитель истории в совхозе «Северный» Лаганского района Тюрба Лиджигаряевич Лиджигаряев.

За революцию и гражданскую войну национальных обид не было. В коллективизацию тоже разоряли и тех, и других. Но и депортацию до 1993 года не ставили в вину русскому народу: почему он должен нести ответственность за сталинскую национальную политику? Мы выжили в Сибири благодаря русским старожилам. Хотя впереди нас шла бериевская молва о предателях и людоедах. К нам приглядывались с опаской. И увидели: такие же люди. Так же воют, получив с фронта похоронку. Так же пестуют детей. Только нищие. И жили до Сибири в степи: не знают, что такое лес, что такое сибирский огород. «Сажайте картошку, а то перемрете все», — это весной сказали нам сибиряки.

Мое римское имя — это выдумка русской матушки. Она же благословила меня на калмычество: «Ты знаешь, какая обида будет для отца, если не запишешься калмыком в паспорте? Как будто от него отрекаешься». Из-за этой записи в 1954 году меня исключили из первого вуза — Омского автодорожного института.

Людская память отвергает плохое. А добро вспоминают добром. Только ущербные люди держатся за горькое и трагическое. Забавно: до перестройки с местным великорусским душком я боролся с помощью Ленина и получал обвинения в «калмыцком буржуазном национализме». При Кирсане начался обратный процесс. Но я демонстративно не меняю убеждений. Лариса Алексеевна Юдина ведь тоже не переименовала свою газету: надо полагать, не от тоски по старому курсу. Просто она интуитивно, как человек глубоко порядочный, не хотела поддаваться массовому ренегатству.

Нельзя жить в состоянии рабства, нельзя жить, не уважая себя. Стремление жить и работать свободным и независимым, не из милости чьей-то, а для нормальной самореализации личности, — это объединяет многих из тех, кто называет себя сегодня оппозицией в Калмыкии.

Владимир СПЕШКОВ.

Быть может, одно из главных наших обвинений в адрес Кирсана — это обвинение во лжи. Провалы в экономике и политике есть во многих регионах России, но, кажется, ни один из нынешних губернаторов не обещал «второй Кувейт» и ни один свой развал не выдает за процветание.

Полковник ЗУБАРЕВ:

«Советская Калмыкия сегодня» должна существовать, потому что существуют разные мнения

Оказывается, первый человек в управлении ФСБ по Республике Калмыкия — коренной челябинец. Зовут его Леонид Зубарев, он еще недавно работал заместителем начальника аналогичного челябинского управления. В сферу его профессиональных интересов, а следовательно, ответственности, входили, помимо прочих, столь серьезные вопросы, как борьба с терроризмом и экономическая безопасность одного из крупнейших промышленных регионов России. Буквально на третий день работы Леонида Порфирьевича в новой должности нашли труп Ларисы Юдиной. Времени на раскачку не было: местные чекисты в силу неординарности случая тут же занялись совместно с сотрудниками прокуратуры и МВД республики расследованием убийства.

Должность у полковника Зубарева и без того непростая. Республика примыкает к неспокойному Северному Кавказу, расположена в стратегически важном Прикаспийском районе, а это — граница с Казахстаном.

Ситуация усугубляется тем, что местное ФСБ по разным причинам попало в центр политической жизни Калмыкии. Предыдущий начальник управления полковник Тимофеев несколько раз выступал на страницах газеты, редактируемой Ларисой Юдиной, и ни для кого не секрет, что Кирсан Илюмжинов хлопотал в Москве о его замене.

Леонид Зубарев, впрочем, считает своего предшественника «грамотным профессионалом» и собирается делать свое дело, невзирая на политическую конъюнктуру.

Любопытно, что над рабочим столом Зубарева висит не положенный в таких случаях Феликс Эдмундович, а картина местного художника, на которой закат, лошади, кромка воды. Человечная такая картина. И в этом есть определенный смысл. Каковы бы ни были стратегические интересы государства, они напрямую связаны с интересами конкретных людей, живущих здесь и сейчас. В государстве, где провозглашены многие свободы, в том числе и слова. Поэтому полковник Зубарев считает, что если единственная оппозиционная газета Калмыкии от безденежья прекратит свою работу, республика, да и Россия в целом потеряют что-то важное.

Мы не могли не воспользоваться случаем и поинтересовались у профессионала перспективами следствия. И в частности — возможна ли причастность к убийству первых лиц Республики Калмыкия?

— Самое сложное в этом деле, — считает Л. Зубарев, — что у подследственных фактически не было личных мотивов убивать Ларису Юдину. Поэтому версия заказного убийства не снимается с повестки дня. С другой стороны, сам характер убийства (а Ларису Алексеевну убивали долго и мучительно, оставив массу следов) вызывает сомнения в его запланированном характере. Впрочем, все это лишь мое частное мнение, следствие ведут профессионалы. Предлагаю дождаться его окончания.

Айвар ВАЛЕЕВ.

От сердца к сердцу

Одни называют ее психопаткой, другие — героиней. Сама она считает себя жертвой произвола и беззакония

Эта история не про болезнь и не про злой умысел. Хотя правозащитные организации поспешили назвать случай с Дорджиевой «попыткой возобновления психиатрических репрессий». Это рассказ о том, зачем нужен закон. Если совсем коротко, сюжет таков: в Калмыкии, в Элисте, группа социально обездоленных людей — инвалидов, многодетных — объявила голодовку. Держали голодовку четыре дня, потом их разогнали с милицией, некоторых при этом избили, а женщину, которую власти считали главным организатором голодовки, отвезли в психиатрическую больницу. Там ее освидетельствовали и не нашли оснований для принудительного лечения. Главврач больницы Вадим Володин, он же по должности главный психиатр калмыцкого Минздрава, не согласился с решением консилиума и подал в суд иск о принудительной госпитализации и принудительном лечении. Суд в иске отказал.

Лидия Дорджиева — так зовут героиню нашей истории — долго и охотно рассказывает о себе. Про трудное детство без отца, про бедность в семье, и как не приняли в институт, хотя она хорошо училась, и про неудачное замужество, завершившееся разводом, про болезни своих дочек. Когда пытаешься вернуть ее к собственно предмету разговора — о больнице, о суде, — объясняет: «Все связано». Если бы ее младшая дочка Леночка в раннем детстве не стала инвалидом, Лидия не оказалась бы в 1994 году вместе с детьми в США, где Лену вернули к нормальной жизни. Если бы Лидия не насмотрелась на американскую жизнь, она бы и не затеяла в Калмыкии волонтерскую организацию помощи инвалидам «От сердца к сердцу». И не познакомилась бы с Кирсаном Илюмжиновым. И не попала бы в психбольницу... Словом, все было бы по-другому.

Смятение чувств

Лидия Дорджиева, простая избирательница, познакомилась со своим президентом летом 1995-го после своего интервью единственной оппозиционной газете «Советская Калмыкия сегодня» — она рассказала про только что зарегистрированную организацию «От сердца к сердцу». Через пару дней ей позвонили от Кирсана и передали, что он хотел бы с ней лично переговорить.

В то первое свидание Лидия ему рассказывала о своей жизни — он слушал с пониманием. «Кирсан сказал, что с ним жизнь тоже была несправедлива и он тоже по-своему одинокий человек». Илюмжинов уговаривал ее учиться «в любой академии» — она отказалась. Просил обращаться всегда, когда потребуется помощь. Она и обращалась.

После первой встречи Илюмжинов дал ее организации 50 млн. рублей, а потом чуть президент в Элисту — Лидия к нему на прием с просьбами: тому квартиру, этому денег. Он принимал ее безотказно. И практически всегда соглашался со всеми просьбами. Так и жила «волонтерская организация».

Кирсан называл Лидию «названой сестрой», она его — «названым братом». Лидия показывает фотографию: сияющий Илюмжинов в обнимку с ее дочками. Он всегда интересовался их здоровьем, успехами, часто привозил им подарки. Не только мелочь: когда у них дома сломался телевизор, подарил им роскошный японский. А когда она с девочками поехала в Москву на встречу с представителями других волонтерских организаций, Кирсан из своего кармана дал им тысячу долларов. Лидия постоянно возвращается к этому эпизоду: «Я не хотела брать, но он меня убедил — мол, неудобно, вы же республику представляете. Мы тогда много всего купили. Но мы еще сэкономили и в квартиру купили мягкий уголок, а то к девочкам подруги приходят, так их и усадить некуда». Позже, когда они поссорятся, Лидия скажет: «Я тебе верну твои подарки!» Илюмжинов задохнется возмущением: «Как тебе не стыдно! Я же тебе как сестре...» Но после психушки Лидия, убежденная, что именно Кирсан пытался ее туда отправить, без сожаления расстанется с его подарками. Телевизор и мягкий уголок перекочуют в больницу: «Будете там, обязательно посмотрите. Хороший такой мягкий уголок».

Эта странная дружба тянулась на удивление долго: два с половиной года. «Но он все реже появлялся в республике, а его окружение... они над нами издевались просто...» Чиновники считали ее ненормальной, а она пыталась открыть глаза своему любимому другу и президенту на его богомерзкую свиту. В нынешнем январе их организация провела пикет — требовали среди прочего отставки калмыцкого правительства. «Мы еще держали плакат: «Верим тебе, президент!» После этого пикета Илюмжинов первый раз разговаривал с ней раздраженно. Они повздорили. Лидия сказала Кирсану: «Ты мне больше не брат». А Кирсан, когда Лидия вновь заговорила о его окружении, отрезал: «Не ты будешь делать политику и не твои инвалиды».

Голодовка

Кирсан уехал и больше не помогал, а у них без его денег замерла всякая социальная деятельность. Лидия говорит, что, пока она была любимицей Кирсана, им подкидывали кое-что и всякие коммерческие организации, а как впала в немилость, все кончилось. Все, что они теперь могли, — протестовать. Снова и снова выходили в пикеты, теперь уже с требованием отставки президента. Один случай Лидии особенно запомнился: стоял лютый мороз и ветер, кое-как одетые инвалиды, многие с детишками, коченели, а из окон дома правительства на них смотрели и крутили пальцами у виска. Тогда-то впервые появился психиатр. Его общими усилиями прогнали, а они еще долго стояли: «Пока Лена не заплакала от холода...» На этом месте я не выдержала: «Вы что, и девочек с собой таскаете?» — «А они со мной всегда, за меня горой». Ребенок-инвалид (у Лены множественные ожоговые поражения) на тридцатиградусном морозе с ветром! Они тогда счастливо отделались — никто не обморозился всерьез.

На их пикеты власти, естественно, плевать хотели. «Тогда мы решились на крайнюю меру — на голодовку». Лидия уверяет, что инициатором была не она: вокруг нее были люди, которым, что называется, терять нечего. Многодетная мать-одиночка — беременная, без работы, вообще без средств к существованию; инвалид-эпилептик с безработной женой и малышами детьми; мать сына-туберкулезника, которой не хватает денег на лекарства и которая никак не может добиться для парня пусть не квартиры, но хотя бы комнаты с сухим потолком... Голодовка была назначена на 2 марта. Заблаговременно Лидия отправила министру здравоохранения Калмыкии красноречивое письмо: «...В связи с тем, что в акции протеста голодом, крайняя мера которого — **самосожжение** (выделено мной — **Г.К.**), принимают участие инвалиды, больные, уже сейчас требующие медицинской помощи, и несовершеннолетние дети... просим вас провести медицинское обследование нуждающихся в медицинской помощи участников акции...»

«Скорая» ездила к голодающим беспрерывно, но никто добровольно голодовку не прекращал. 5 марта к ним пришла делегация от калмыцкого правительства во главе с министром госимущества. «Я им все высказала: про бесчестную приватизацию, про неправильную политику». Товарищи Дорджиевой по голодовке подтверждают: Лидия говорила, наверное, два часа, и так здорово, так прекрасно. «А они никаких переговоров вести не стали, а просто сказали: кончайте голодать, Кирсан приезжает. И пошли обратно. Сказали еще, что с нами бесполезно разговаривать».

Приютное

На следующий день их разогнали. Приехала милиция, вломилась в комнатушку, где они сидели, и их вытащили насильно. Особенно били почему-то эпилептика. Лидии тоже досталось. Потом всех отвезли в республиканскую больницу, а Лидию оттуда отправили в знаменитое Приютное — в Калмыкии это то же, что в Москве «Белые Столбы».

На руках гравврача Приютненской больницы Володина было припасено решение суда о принудительном освидетельствовании Дорджиевой. «Заочно решили, что я ненормальная!» — негодует Лидия. Я пытаюсь поправить: «Да нет, заочно решили, что неплохо бы проверить, нормальная ли вы». — «У нас беспредел, сами видите», — упорствует Лидия. Мне интересно: «А вы как думаете, что должны делать власти, если группа людей, да еще с маленькими детьми, угрожает себя сжечь?» — «Ну, это же только как крайняя мера».

В апреле, уже после того, как Лидия выйдет из больницы и даст в Москве пресс-конференцию, а несколько правозащитных организаций обратятся в разные инстанции с призывом расследовать обстоятельства «применения психиатрии в немедицинских целях», прокуратура Калмыкии возбудит иск о неправомочности того судебного решения. И в начале июня республиканский суд удовлетворит прокурорский иск и признает то мартовское решение о принудительной госпитализации неправомочным.

Василий Бессарабов, заведующий женским отделением Приютненской больницы, куда доставили Лидию, авторитетнейший врач (до 1995 года он был главным и ушел с должности по собственному желанию из-за хронического недофинансирования), сразу же поговорил с Лидией и решил, что оснований принудительно госпитализировать ее и лечить нет. «Мы с ней все обсудили, — рассказывал он потом. — Что касается самосожжения, то это было пустой угрозой: они не запаслись ни бензином, ни другими подручными средствами. Если такого рода шантаж недопустим, пусть соответствующие органы принимают меры. Пусть ей предъявляют иск, если она виновна в подстрекательствах или сопротивлении властям. Медицина тут ни при чем».

Когда собрался консилиум, Володина практически никто не поддержал. Лидия слышала их споры и хотя не все поняла, кое о чем рассказывает с энтузиазмом. «Когда этот Володин меня спрашивал, почему я так выступаю за свой народ и все такое, я ему сказала, что я — человек верующий и что я приняла в себя богов — это вам, наверное, тоже непонятно — в общем, я — Белая Тара, это значит, что я приняла на себя печали и беды своего народа... (Представляете, что думает бедный советский психиатр, когда ему говорят: «Я — Белая Тара»? К тому же Вадим Володин за годы работы в Калмыкии сохранил полную девственность относительно национальной религии и культуры. — **Г.К.**) И он на консилиуме говорит: мол, она себя воображает богиней, у нее мания величия. А Бессарабов ему отрезал: «Ты в их религии ничего не понимаешь, верно? Вот ты туда и не лезь. У нас свобода совести».

Сам Володин уверяет, что инициатива освидетельствования и госпитализации Лидии Дорджиевой целиком принадлежит ему лично. Впрочем, вместо профессиональных аргументов он предпочитает обличения: «Ее деятельность как деятельность этих всяких сект. Она может индуцировать асоциальное поведение».

После выхода из больницы Лидия узнала: Кирсан сразу после разгона голодающих звонил в Минздрав и просил присмотреть за ее дочками. «Какая низость!» — «Но, может, он искренне хотел помочь?» — «Засадив меня в психушку?» — саркастически переспрашивает Дорджиева, и ее друзья, что участвуют в разговоре, так же саркастически смеются. «У него могли быть основания считать, что вы перевозбуждены, что девочкам ваше присутствие не на пользу...» — «Я что — похожа на ненормальную?!»

История Лидии Дорджиевой не так проста, как на первый взгляд показалось правозащитникам. У разных действующих лиц было немало оснований усомниться в нормальности главной героини. Как, впрочем, и Лидия может со своих позиций счесть любого из нас — тех, кто не выведет своего больного ребенка стоять на морозе ни за какую правду, — существами неправильными и второсортными. Кто вообще может судить о нормальности ближнего? Кто знает, какой он — «нормальный человек»? Лучше всего просто не задаваться таким вопросом. Закон о психиатрической помощи жестко фиксирует основания для принудительного лечения. Лидия под них не подпадает.

Хорошая, в сущности, история. Получается, что суд и право реально существуют даже в Калмыкии и что закон о психиатрической помощи — механизм, позволяющий предотвратить немедицинское использование психиатрии. Пусть драмой взаимоотношений Дорджиевой и Илюмжинова занимаются не психиатры — у них и без того хватает забот.

Галина КОВАЛЬСКАЯ.
Фото Александра СОРИНА.
(«Итоги»).

Олег МИТЯЕВ: «Не люблю обобщений. Предпочитаю исключения»

Одной женщине, начальнику госавтоинспекции Комсомольского района Тольятти, подарили кассету, на которой 15 раз подряд записана песня «С добрым утром, любимая!» Вот так народ проявляет свою любовь к творчеству нашего земляка Олега Митяева. Недавно он приезжал на родину в Челябинск — поддержать традиции Ильменского фестиваля самодеятельной песни.

— Олег, поговорим о скоротечности времени. Исполнилось 20 лет твоей песне «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

— Уже проходит удивление от того, что мы можем бравировать такими сроками. Зато гораздо чаще стал возвращаться к мысли о возрастных изменениях. Вещь общеизвестная, но когда ты ее на себе ощущаешь, то в миллионный раз изумляешься жизни. Когда-то мы бегали в трусах, играли в ковбоев. Помню, пытался где-нибудь лампочку разбить или что-нибудь садануть ради новизны впечатлений. Потом пришло время, когда это желание увяло. Захотелось созидать. А теперь с ужасом думаю, что скоро потянет к грядкам. Должна появиться рассада. Территория уже есть. Пока там стоит баня. Это один из трех «наркотиков», на которые я подсел в последние три года. Второй «наркотик» — природа, а третий — общение с хорошими людьми. Иногда я их все разом употребляю. Недавно общались с человеком, про которого известно, как он ходит в баню, — Михаилом Евдокимовым. И у нас появились совместные творческие идеи. Много хороших людей приезжает туда. А когда никто не приезжает — могу посидеть, поработать. Хорошо! Баня — это мой дом творчества. Вообще-то я борюсь за то, чтобы жить, бездельничая, не задумываясь о хлебе насущном. Но когда ты связан многими обязательствами (перед родственниками, перед семьей) и есть еще здоровье — надо работать. И не только чтобы зарабатывать. Ведь уже заделаны концерты. Допустим, не хочу ехать. Устал. А что же публика? Она же ждет. Поэтому приходится ходить в баню где-нибудь в Ростове-на-Дону. Искать там хороших людей. И природу тоже.

— Была у тебя, я помню, радость в связи с поездками за границу. Открытия были.

— Теперь другое открытие. Во-первых, мы с Костей Тарасовым от заграничных гастролей устали, как это ни вульгарно звучит. За два последних года я отказался от поездок в Южную Америку, от отдыха зимой на каких-то южных островах. Причем, когда тебе это предлагают бесплатно, отказаться сложно. Но я на самом деле устал. Мне гораздо приятнее, если нет концертов, побыть в Москве. Но есть еще одна вещь. Я раньше с огорчением, что ли, думал: «Вот в Америке-то мы не были». В Южной были — в Уругвае, Рио-де-Жанейро. А в Штатах — нет. А сейчас я радостно говорю себе: «А в Америке-то мы еще не были!» Понимаешь? Если ты все объехал уже, тогда тебе совсем неинтересно будет жить. Собственно, никто особенно не настаивает на нашей поездке в Америку. Когда кто-то очень сильно попросит — поедем. Я мог бы организовать сам, но зачем, если у нас в стране это делают другие люди. А высвобожденное время можно опять-таки потратить на баню. Я вообще иногда думаю: если не ходить каждую неделю в баню, то зачем вообще тогда все это? Ради чего пахать!

— А какие у тебя по этому поводу были мысли 20 лет назад?

— Думаю, первое время песни сочинял для того, чтобы девушкам нравиться, завоевывать женские сердца. Спел песню — и они все попадали. И ты как бы воспользовался этим.

— Мне кажется, у тебя песни были не такого склада, чтобы, извини, охмурять девушек.

— А они рассчитаны не на дурочек, а на девушек-интеллектуалок. Никогда не делил песни на лирические, социальные, еще какие-либо. И очень рад, что мне предоставляется возможность об этом не задумываться. Пусть об этом думают критики и журналисты.

— Задам тебе банальный вопрос: какая у тебя лучшая песня?

— Такого банального ответа я даже придумать не могу. Думаю, что это всегда последняя. Она больше всего радует.

— А какая у тебя последняя?

— «Крепитесь, люди, скоро лето». Ее предстоит еще доработать.

— Я один раз слышала и считаю, что она написана в лучших митяевских традициях.

— Ну и здорово! Считаю, что новые песни не хуже предыдущих. Готовлю очередной альбом — там есть вещи очень сильные: «Когда проходят дни запоя», «Песня про маму» и другие. Диск будет называться или «Непраздничный вечер», или «Мама», или, скорее всего, «Крепитесь, люди, скоро лето». Может быть, пока он оформляется, напишется еще какая-нибудь песня.

— Помню, твои первые диски выходили со скрипом, с проблемами, с поисками средств, студии и так далее.

— Сейчас выпустить диск несложно.

— Были бы деньги?

— Нет, и денег не надо. Есть фирма, и даже не одна, которая готова сегодня потратить в четыре раза больше денег, чем на предыдущие диски.

— Именно на Олега Митяева?

— Да! Люди сидят и ждут, когда я запишу, и они выпустят. Дают деньги на запись, на музыкантов. В общем-то мы все равно ищем спонсоров, чтобы привлечь каких-то изысканных исполнителей. В последнем альбоме у нас играли ребята из «Аракса» — высокого класса музыканты.

— А почему, собственно, те люди готовы на тебя деньги потратить? Это зов их души?

— Они абсолютно коммерческие люди. Им, может быть, даже не нравится моя музыка, но они выпустили пять моих альбомов и заработали деньги. Знают, что и новый альбом себя в любом случае окупит и принесет прибыль.

— А тебе что принесет кроме морального удовлетворения?

— Это моя работа. Я за это тоже получаю деньги. За диски в меньшей степени, в большей — за концерты.

— У тебя начался альянс с «Ариэлем». Твоя идея?

— Я всю жизнь об этом мечтал. Давно уже предлагал Ярушину взять мои песни «Ермак» или «Печали Каменного пояса». Говорил: «Это же фольклор — только вам и петь»... Не получилось. А теперь «ариэлевцы» сами захотели записать альбом «Лирика Олега Митяева». У меня просто слов не было от счастья. Но когда послушал несколько песен, то понял, что делать этого не надо — песни становятся совсем другими. Поэтому я с удовольствием согласился, чтобы они пели мои старые песни и с удовольствием слушаю их интерпретацию. А вот новые не хочу отдавать — должен сам записать. А они просто помогут мне их петь.

— У тебя выходила книжка твоих песен. После этого что-то было издано?

— Нет. Сейчас готовится новая, в ней хочу использовать записки, которые я получаю на концертах. Их очень много. Отбираю самые интересные. Каждую песню будут сопровождать записки, которые ее касаются, а еще предыстория песни и рассказ, каким-нибудь образом с нею связанный, или статья в газете, или литературное исследование. Кстати, есть такой журнал «Библиография», там музыкальный критик Ролан Шипов собрал все статьи, которые вышли обо мне в России и за рубежом.

— Где тебя больше всего ждут с концертами?

— Я не любитель обобщений. Люблю исключения. Когда говорят, например, что все официанты сволочи, я думаю: «Не может быть, чтобы все». Наверняка есть один, который, приходя домой, играет на скрипке Грига и не берет чаевых. В каком городе больше ждут? Мне важно не количество. Может быть, есть два человека, которые очень ждут. И если только они придут на концерт, то сила их ожидания равноценна большому залу. Есть около 30 городов, в которых мы выступаем ежегодно. Там нас всегда ждут.

— А какая самая маленькая аудитория была?

— Однажды подошел на концерте в Олимпийской деревне мужчина, спросил, сколько стоит наш концерт, и предложил провести его на тех же условиях у них дома. Причем деньги отдал заранее. Думаю: ну, новые русские. Приехали — а там хрущевская полуторка. Огурчики, водочка, картошечка. И три человека: он с женой и подружка. Мы мило провели вечер. А с деньгами они очень легко расстались.

— Олег, ты даешь много интервью. Кому бы ты сам хотел задавать вопросы?

— Я недавно придумал передачу для ОРТ. Должна была записываться в Политехническом музее, так и назвать планировал. Хотел использовать традиции встреч поэтов и исполнителей со слушателями, которые идут еще от Маяковского, а затем от Вознесенского, Евтушенко, Окуджавы. С Роланом Быковым много беседовал на эту тему. Он готов был предоставить для съемок свой центр. Потом я понял, что мне, оказывается, неинтересно задавать вопросы. Мне гораздо приятнее... ходить в баню.

Если серьезно, идей много. У меня на трех листах изложены мечты. Напротив каждой стоит сумма, необходимая для осуществления. Когда появляются люди и говорят: «Ну, чем вам помочь?», я отвечаю: «Вот список». Например, мечтаю о фильме, где каждая моя песня соответствовала бы определенной эпохе: «Почтовый чиновник» — до революции, «Провинциальная история» — во время революции, «В осеннем парке» — это годы Отечественной войны и так далее. А я от серии к серии — в другом реквизите и в другой истории. Все клипы должны будут составлены в один фильм. Уже есть несколько сценаристов, согласных принять участие в этой затее. Есть еще один проект, называется «По волне моей памяти-2».

Беседовала Лидия САДЧИКОВА.
г. Челябинск.

Художник и поэт

Цебека Адучиева называют «художником-поэтом» и «художником-философом». Член Союза художников, он участник многих выставок — всероссийских и международных. Его работы были приобретены Министерством культуры РСФСР, Калмыцкой государственной картинной галереей, Калмыцким краеведческим музеем.

Цебек Манджиевич пишет стихи и прозаические наброски. «Ужасно сознавать, — сказал он как-то, — что слова состоят из букв. До сих пор считал, что они из чувств».

Свое кредо в живописи он выразил так: «Выражать ее средствами все, что захватывает область интуиции, и все, что меня волнует. Мне небезразлично, кто будет оценивать меня по моим работам. Пусть это будут люди, близкие мне по духу или гораздо более восприимчивые к культуре. Духовно я ориентирован на опыт великих импрессионистов, на искусство Чюрлениса, Матисса, на музыку Грига и Бетховена. И поэтому живопись, как я ее понимаю, — это всегда музыка и поэзия.

И если в каких-то моих работах вы почувствуете связь «исторических фактов» с моей биографией, эта связь будет «во мне» и «вне меня» как ее изначальной причины».

Предлагаем вашему вниманию подборку стихов Цебека Адучиева, написанных им в разные годы.

Цебек АДУЧИЕВ

*Мы — кочевые.
Мы собираем свои
кибитки вслед за стадами.
Удар по скалам куском железа
нас поднимает.
И глас,
как эхо далеких предков,
нас подгоняет.
Пусть мы сутулы
и наши спины горбят акулой
и ветры с солнцем
нам лижут рожи
и драят кожу песком пустыни.
Но наши души живут грядущим,
бросая взоры над косогором,
находят ...небо. И ...замирают.
Так билось сердце человека,
когда увидел он просторы
глазами мыслящего века.*

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Посвящается младшей сестре Шуре, чья трагическая судьба с болью врезалась в мою душу, пожизненно

*При беге мысли
о дальнем детстве
аж сердце сжалось.
Не добежала.
И не вскричала, когда упала
(ведь знала мама,
что терпелива)...
Явилась в белом.
А может, бледном?
И очень тонкая,
почти прозрачная.
Глазами грустными,
чуть-чуть раскосыми,
стоит внимая. Как изваяние.
И вся — молчание.
Ну, хоть бы слово.
А вдруг — НЕМАЯ?!
И... БЕЗЗАЩИТНАЯ.
И на меня глядит тревожно
почти с упреком.
— Невозможно.*

* * *

*Когда затихают дети,
набегавшись за день устало.
Когда засыпают дети —
то спят они крепким сном.
И не будите! Пусть будет
спокойным и крепким он.
И пусть одиноко бродит
по перелескам темным
луна, что всегда уводит
детей по тропкам таежным.*

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ
(из серии «Длинные ночи»)

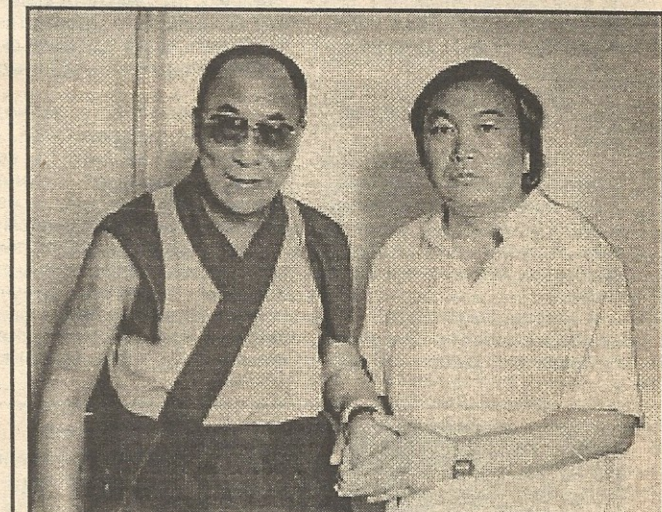
*Эти черные птицы,
как люди, бегают по земле.
...Вижу, вижу, как медленным
кругом опускаешься ты ко мне,
воронья ненасытный ублюдок.
Глаз мой выклеван, тело растаскано по оврагам и по полям,
но рука, прижавшая камень,
караулит тебя по ночам.
...По пескам
по прибрежным далям
на куски вы меня
разрывали и...
клевали, клевали, клевали.
Услаждаясь и замирая.
Мать-земля вся в морщинах,
истоптана, синяя
целовала останки мои —
остатки пиршества их.
Тишина приближалась
медленно, очень медленно.
Побледнела вся и... упала,
накрыв меня своим телом.
...под покровом ночи,
ветер спешно пронесся
над тем,
кем мы были когда-то,
озираясь и виновато.*

КОЛОКОЛА

*Колокола по форме
напоминают головы женщин,
а свисающие нити —
линии их фигур.
И пусто и скорбно,
и звук извлеченный
в пустынное небо летит.*

ГОЙЯ

*Я — ГОЙЯ,
в котором живет отголосок
последнего боя,
Но часто мне в душу ступали
обутой ногою...
Я — ГОЙЯ.
Ребенком друживший
в Сибири
с отпетой шпаною.
И голод постигший
и холод — люблю голубое!
Я — горе,
народ посетивший,
духовных калек наплодивший
В ночи угрожаю то громче,
то тише,
О прошлом забывши.
Я — горе!
Душа моя — свежая рана
под белою солью.
Я — ГОЙЯ.
Судьба, как безумец,
взяв бритву,
крадется за мною,
И тень моя, корчась,
о стену стучит головою.
Я — ГОЙЯ.*

НА СНИМКЕ: Далай-лама XIV и Цебек Адучиев.

Непредвиденные встречи

на дорогах Калмыкии

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

— Она что, приезжала в Элисту?

— А зачем ей приезжать, если у нее деньги есть? Можно все сделать через подставных лиц. Будут завозить дешевый спирт, у нас Кавказ под боком, разливать по бутылкам, этикетки наклеивать, — как бы недоумевая, почему не ему первому пришла в голову такая простая мысль или почему у него не оказалось нескольких лишних миллиардов, рассказывает Буянча.

...С Кунгой мы сидели на скамеечке неподалеку от элистинского базара. Базар — это как бы место его работы. Вообще-то его главная работа — создавать колебания. Что он и делает — утром и вечером. Чем же он заполняет время между утренними и вечерними колебаниями? Во-первых, сохраняет и поддерживает в себе то состояние, которое пришло к нему во время медитации. Во-вторых, он должен делать что-то полезное для общества. На базаре скапливается очень много тяжелых энергий, и само присутствие Кунги уже очищает атмосферу базара. Кроме того, он вступает в беседы с торговками, чем также способствует их просветлению. Я спросила Кунгу, а не решает ли он таким образом попутно проблему своего питания? Эту версию Кунга отверг категорически: ест он очень мало, и у него есть спонсоры.

— Те, кто владеет деньгами, — сказал мне Кунга, — влияют на массы. Они вынуждают массы покупать и делать то, что выгодно богатым, а не то, что на самом деле нужно самим людям. Поэтому я нахожусь в оппозиции.

— К кому? — спросила я.

— К богатым, — просто ответил Кунга. И, чтобы уж совсем было понятно, добавил: — Нам не нужно загонять космос себе под задницу. Нужно слиться с космосом — вот и все.

В начале 90-х Кунга был монахом в хуруле, но очень скоро мантию снял. Теперь он в оппозиции и к официальному буддизму.

В ранней юности Кунга покинул Калмыкию, оказавшись перед дилеммой: или жить на родине, но в тюрьме, или быть свободным. Свободным он был в Закавказье, на Дальнем Востоке и в Прибалтике. Работал водителем, токарем, ходил в море. Бичевал, хулиганил. От тюрьмы не зарекался — отсидел три срока. Много пил. Бросил 27 декабря 84-го года. Уже на родине.

— Ваши родители были верующими или вы буддист в первом поколении?

— Понимаете, мой отец был калмыком, но он женился на женщине-мусульманке. Из-за этого я испытывал очень серьезные ломки физического плана.

— Из-за того, что брак ваших родителей был смешанным?

— Конечно. Жена должна соответствовать своему мужу. Тогда и ребенок, рожденный в таком браке, будет счастливым. В нем ничего не будет намешано, все энергии будут чистыми.

А вообще духовность — это шлифовка энергии. Вы умеете правильно дышать? С этого все и начинается. Последние восемь лет своей жизни Кунга ежедневно шлифует свою энергию и правильно дышит.

— Скажите, а ваши колебания не могут привести к какому-нибудь разрушению? — спросила я.

— Нет, потому что основа буддизма — любовь и сострадание. Искренняя любовь.

— Вы уже достигли уровня искренней любви?

— Я к этому стремлюсь.

Мимо нас прошли девушки в шортах и мини-юбках. И тут выяснилось, из-за чего происходят многие страдания мужской части населения этой маленькой степной республики: девушки и молодые женщины (а они здесь, надо заметить, на редкость красивы) неправильно одеваются. Закрывать глаза при виде сих прелестниц мужчины не могут.

— А посмотрел — значит, трахнул, — пояснил Кунга. — Мысль — это же энергия, которая провоцирует определенные действия... Ну, и наработал себе тяжелую карму.

Таким образом, отсутствие нравственной дисциплины со стороны калмычек сильно портит карму жителям республики. Кунга молится ежедневно за то, чтобы калмычки прекратили заниматься проституцией. Особенно с представителями других национальностей, привозящими на базар свой товар. Именно об этом он говорит в своих ежедневных обращениях к женщинам на базаре. Его слушают, но понимают не всегда: к продажной любви слушательниц толкает не жажда удовольствий, а материальная нужда.

— Сексуальные контакты с калмыками не столь греховны?

— Нет. Вот я им и говорю: сойдитесь лучше с калмыком и родите от него здорового ребенка.

— А вы не пытались спасать заблудших с помощью собственной сексуальной практики? — проявила я крайнее любопытство.

— Чтобы получить радость, мне достаточно одной женщины.

...С Таней мы познакомились в хуруле «Геден Шеддуп Чой Корлинг» («Обитель просвещенных монахов»). Она пришла сюда, чтобы получить совет, как ей жить дальше. Но опоздала, как и мы, было уже четыре часа пополудни, прием закончился. В хуруле прохладно. Сняв обувь у входа, мы сидим с Таней на низенькой скамеечке и смотрим на Будду. Трехметровый Будда смотрит сквозь стену, а там только степь и жара, отупляющая, лишающая способности сопротивляться.

— Вы журналисты? — спрашивает нас Таня. — Я это сразу поняла. Я тоже хочу стать журналисткой. Но сначала надо выучиться на швею или парикмахера, чтобы заработать денег. У меня их нет совсем, я живу без денег.

Таня очень миловидна и приветлива. Ей двадцать лет, у нее короткая стрижка, черные блестящие глаза. Ее история, в общем, трагична, но она рассказывает ее улыбаясь — просто потому, что нашелся слушатель. В один прекрасный день родители отвезли Таню, как она считает, ни с того ни с сего, в село Приютное. В больницу за высокими бетонными стенами.

— Там все медсестры, а особенно санитарки, — сказала Таня, — очень полные женщины с большими животами. Чуть что не так — привязывают к кровати. Приютненская больница — это единственное место на Земле, где запрещается плакать. Санитарка говорит, что плакать нельзя, расстроишься и будет еще хуже. Если плачешь, она сразу достает шприц... Когда я отказалась от укола, она привязала меня к кровати. Мне кажется, она даже мужчину может привязать к кровати. А жители села даже не знают, что там происходит за этими стенами, что там за больница. И журналисты не знают, и никто. Комиссия приезжает, их накормят обедом, и они уезжают.

Однажды Таня, сельская жительница, гуляя по улицам Элисты, познакомилась с парнем. Согласилась пойти к нему домой в гости только потому, что дома была его мама. Мама покормила Таню и ушла в соседнюю комнату. Парень Таню изнасиловал, хотя она просила его этого не делать.

— Я только не понимаю его мать, — говорит Таня. — Совсем не понимаю.

Так Таня оказалась в другой больнице, республиканской, где ей должны были сделать аборт. Но оттуда она сбежала, потому что ей не хочется совершать второй грех — убивать нерожденного ребенка. Она оптимистка, верит, что жизнь ее наладится, вот пришла в хурул — получить поддержку и благословение. По телевизору она видела, что при храмах бывают такие специальные дома для наркоманов. Может, есть дома и для беременных?

Таня в курсе всех политических событий, она читает газеты.

— Мне стыдно за моего президента, — сказала она. — Он появился в Элисте через несколько дней после убийства журналистки. Когда я читала, что его не могли найти, я просто смеялась. Да что его искать, если он был в Москве, давал пресс-конференции? «Известия Калмыкии» тоже молчали, я узнала все по телевизору. Тогда я и решила стать журналисткой.

Заговорили о народном поэте Давиде Кугультинове. Таня сказала, что в школе они все изучали его стихи.

— Учили наизусть?

— Кто хотел, тот учил. Хорошие стихи.

Я спросила Таню, изменилось ли отношение народа к своему поэту после того, как он переселился в огромный особняк в центре города, построенный для него президентом республики?

— Я не могу отвечать от имени всего народа, могу сказать только свое мнение. Кугультинов воевал, потом несправедливо отсидел тринадцать лет, может быть, у него решили попросить прощения...

Честно говоря, я поразилась той взвешенности в оценках, которую высказала Таня. Или врачи в Приютном ошиблись в диагнозе, или в наше время только человек в пограничном состоянии способен правильно и точно прозревать смысл происходящего?

... — Увы, что может маленький народик? — говорил нам один очень известный в Калмыкии человек. — Ведь если всех журналистов России собрать, так они нас просто голыми руками задушат!

Народ с трагической судьбой, дважды покидавший эту территорию, болезненно воспринимает каждое слово, сказанное «чужаками». Но это слово заполняет информационный вакуум, а это необходимо.

Шофер Буянча рассказал нам о том, как калмыки помогают родственникам, попавшим в беду. Весь род собирает деньги. Наверное, поэтому мы не увидели на улицах Элисты ни одного нищего. Буянча рассказал также, что он ходил на лекции представителя Далай-ламы XIV в России и Монголии.

В Обществе друзей Тибета мне подарили сборники лекций Геше Чжампа Тинглея. В одном буддистском наставлении прочитала: «Если вы будете искать себя, то не сможете найти. Это, однако, не означает, что вы вообще не существуете. Это значит, что вы не существуете так, как себе представляете».

В этой поездке в Калмыкию с ее непредвиденными встречами я поняла, что мы все существуем не так, как себе представляем. Но надо же узнавать правду, надо идти к свету...

Элистинский аэропорт — в полуразобранном состоянии. Пять раз в неделю отсюда взлетает маленький ЯК-40, в кассе продают ровно половину билетов из соображений безопасности. Самолет взлетает с запасной полосы...

Елена РАДЧЕНКО.
Элиста—Челябинск.

Учредители:
Союз журналистов РФ,
Г.В. ЮДИН.

Газета зарегистрирована в Комитете Российской Федерации по печати 7 июля 1998 года. Регистрационный номер 014137.

Отпечатана на Государственном предприятии — Ставропольская краевая типография Комитета по печати правительства СК (г. Ставрополь, ул. Артема, 18)
Объем 2 п.л. Заказ № 1364. Тираж 5000.

Наш адрес:
358000, г. Элиста,
ул. Н. Очирова, 29.

Индекс 51690.
В розницу цена свободная.

И. о. редактора
Г.В. ЮДИН.